

А. Л. Сандер
Патримониум

А. Л. Сандер
Патримониум

«Издательские решения»

Сандер А. Л.

Патримониум / А. Л. Сандер — «Издательские решения»,

Кто не мечтал получить в наследство родовое поместье? Вот только в наше время такое большое наследство может стать неподъемной ношей. Особенно если к нему прилагается груз непоплаченных долгов и тяжелых воспоминаний. Ну и, конечно же, приличное английское поместье не может обойтись без привидений. А если их нет, то можно подселить несколько призраков на потеху публике, склонной верить в сверхъестественное...

Патримониум

А. Л. Сандер

© А. Л. Сандер, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Впервые за многие годы я вновь встречаю гостей. Перед моим облупленным фасадом припарковано с дюжину черных блестящих машин, из которых выходят одетые в черное люди. Но не стоит заблуждаться по поводу их мрачной одеждой, они приехали не на похороны моего последнего хозяина Френсиса Амери. Настроение у них явно приподнятое. Мужчины широко улыбаются, обмениваются рукопожатиями и дружественно похлопывают друг друга по спинам, женщины приветствуют друг друга поцелуями в воздух, едва касаясь друг друга щеками, обмениваются последними новостями и сплетнями, наслаждаясь обществом друг друга. Я рад всех их видеть. Давно я не чувствовал себя таким живым. Как в старые добрые времена.

Последним к этим людям присоединяется невысокий пожилой мужчина в очках. Я знаю этого человека. Это Дэвин Фосс – юрист и нотариус. И по совместительству – старый друг моего почившего хозяина. В одной руке он держит потрепанный дипломат, а другой рукой прижимает к груди толстую папку с бумагами. Дамы и господа, собравшиеся перед входом, разом замолкают и все как по команде поворачивают свои головы в сторону этого неприметного мужчины. С их лиц мгновенно падают пластмассовые улыбки, уступая место более привычным для них, напряженным, минам. Они смотрят на него как маленькие дети в ожидании подарков в Рождественское утро. Пожилой мужчина тихо приветствует собравшихся, достает из своего дипломата связку ключей и пытается открыть мои широкие двухстворчатые двери. Маленькому человеку стоит большого труда открыть их, потому что они отвыкли от гостей и не желают впускать чужаков. Выгоревшая на солнце краска неопределенного цвета давно облупилась, обнажая слои предыдущих окрашиваний. Дерево высохло и местами покрылось трещинами. В левую створку вставлена пестрая потускневшая мозаика, которая весьма искусно изображает павлина, сидящего на ветке. Во вторую створку также была вставлена мозаика с таким же павлином только в зеркальном отражении. Но она не дожидаясь этого дня. Вместо неё там стоит кусок фанеры, небрежно прикрепленный чей—то нетвердой рукой. Мне очень стыдно за то, как я выгляжу теперь, но что я могу поделать?

Маленький мужчина комично дергает дверную ручку, энергично поворачивает ключ в замочной скважине в разные стороны, даже наваливается своим худым плечом, будто пытается её выломать. Но старая дверь не поддается напору тщедушного старичка. Один из гостей, крупный мужчина среднего возраста с выпирающим из делового пиджака животом, раздраженно отодвигает старика в сторону и, приложив весь свой немалый вес, ломает мою последнюю оборону. Слышится хруст сухого дерева. Разбуженные от многолетнего сна, двери неохотно отзываются резким скрипом. Гости морщатся от этого звука. Я выдыхаю, обдав гостей несвежим дыханием. Мне снова очень стыдно, но разве я виноват, что некому было открыть окна и проветрить мои старые внутренности?

Крупный мужчина по—хозяйски шагает внутрь – он мне не нравится, хотя мне кажется, я его помню... Маленький человек следует за ним. Дамы и господа поспешно протискиваются внутрь.

Но только сейчас я замечаю, что за происходящим наблюдает молодой человек, стоящий в тени высокого дуба. Свежая весенняя листва покачивается на легком ветру и бросает зеленую тень на его лицо и фигуру, из—за чего издали кажется, что он одет в военную форму защитного цвета. На самом деле он одет в серый костюм, слишком большой для него, будто

с чужого плеча. Галстук ослаблен и вяло висит на худой шее. Он стоит, облокотившись спиной о дерево, периодически глубоко затягиваясь сигаретой. Что—то в его фигуре и движениях мне кажется знакомым, но я не могу понять кто это...

После того как я втягиваю гостей внутрь одним могучим вдохом, молодой человек гасит окурок о ствол, бросает его на землю и сплёвывает. Глубоко вздохнув, он одергивает пиджак, приглаживает ладонью растрепанные волосы и медленно, будто каждый шаг дается ему с трудом, плетется по направлению к открытым дверям. Теперь, когда он подходит ближе, я узнаю его. Как же летит время...

Люди стали проталкиваться в маленькую комнату с высоким потолком. Воздух здесь был спертый и несвежий, с примесью плесени и пыли. Солнце тщетно пыталось проникнуть в комнату сквозь два высоких арочных окна (слишком больших для такой маленькой комнаты), которые были настолько грязными, что свет лишь едва окрашивал помещение в тусклый желтоватый цвет. На широких низких подоконниках и мраморной каминной полке стояли разномастные цветочные горшки с давно увядшими растениями. Между многочисленными книжными стеллажами и шкапами с запыленными книгами, которые поднимались до самого потолка, можно было разглядеть обои линялого желтого цвета с потускневшим витиеватым рисунком. Рядом с камином стоял старый диван, обитый потертым красным бархатом, изрядно потрепанным в некоторых местах, и огромный дубовый стол на резных ножках, перед которым, словно в концертном зале, стояли стулья в несколько рядов.

Первым свое место за столом занял Дэвин Фосс, нотариус. Пока остальные рассаживались на стульях, он, словно пасьянс, раскладывал бумаги на столе. На край стола он поставил черно—белую фотографию красивого мужчины. Судя по прическе и фасону костюма человека изображенного на ней, фотография была сделана несколько десятилетий назад. Мужчина около сорока лет насмешливо смотрел в объектив фотокамеры. Его левая бровь была немного приподнята, на тонких, но красиво очерченных, губах играла насмешливая улыбка, будто он насмеялся над всеми собравшимися. Правой рукой, держащей сигарету, он касался подбородка. Можно было подумать, что на фотографии изображена кинозвезда времен рассвета Голливуда. Рядом с фотографией стояла невысокая мраморная похоронная урна из камня розового цвета.

Когда все, наконец, уселись, нотариус посмотрел поверх очков на людей в комнате, будто пересчитывая. Собравшиеся перестали разговаривать, почувствовав его взгляд на себе, и оживленный гул в комнате утих.

— Ну что ж, раз мы все здесь, думаю самое время начинать, — сказал тот самый крупный мужчина, под чьим напором не устояла дверь. Он с едва скрываемым нетерпением потер ладони одну об другую и заерзал на стуле, от чего тот угрожающе закрипел. Вся его поза — то, как он наклонил вперед корпус и уперся ладонями в колени, — будто говорила о том, что ему не терпится поскорее покончить со всем этим и уйти. Его круглое лицо сильно покраснелось, будто туго затянутый галстук перекрывал ему кислород. Черные с проседью волосы были острижены так же коротко, как и его борода, поэтому его голова немного напоминала ошетинившийся помидор.

— Боюсь, что не все ещё в сборе, — сказал человек за столом — Мы не можем начать без Дезмонда.

— Сомневаюсь, что он придет, — громко высказала своё мнение женщина, сидящая рядом с грузным мужчиной. Её лицо, пусть и лишённое даже мимических морщин, тем не менее, выдавало её уже немолодой возраст.

– Учитывая, что его вообще никто давно не видел... Наверное валяется в каком—нибудь наркоманском притоне... – она не успела закончить свою мысль когда в дверях комнаты появился молодой человек в сером костюме.

– Притон сегодня был закрыт, – громогласно объявил он, – видно даже в притонах бывают выходные, дорогая моя тётя.

«Тётя» бросила брезгливый взгляд на прибывшего молодого человека и плотнее закуталась в свой кружевной палантин, будто вместе с ним в комнату залетел сквозняк.

– Всем здравствуйте! – нарочито громко поприветствовал опоздавший гость присутствующих.

– Ба! Кого я вижу? Неужто дядя Амос? Сколько лет, сколько зим... – сказал молодой человек, направляясь к грузному краснолицему мужчине и распахивая руки для объятий. Женщина с неподвижным лицом рядом с ним поспешила отодвинуть свой стул. Краснолицый мужчина в свою очередь не сказал ни слова и не сделал ни малейшего движения по направлению к своему племяннику, который продолжал стоять с распростертыми руками. «Дядя Амос» лишь окинул явно неожиданного гостя презрительным взглядом.

– Дядя как всегда немногословен! – сказал новоприбывший, так и не дождавшись со стороны дяди какой—нибудь реакции.

– Ну а вы то, дорогая тетушка, как поживаете? – продолжил он, повернувшись к женщине с неподвижным лицом. Та лишь нервно заерзала на стуле, избегая встречаться с ним взглядом.

– Ну что ж, рад видеть, что у нас в семье ещё не разучились проявлять теплые чувства по отношению друг к другу.

Молодой человек резко развернулся на каблуках и окинул взглядом присутствующих. Все они в неловком молчании пытались не смотреть на него или отводили глаза, как школьники, которые боятся, что их спросит учитель.

– К сожалению, со всеми остальными я не имею чести быть знакомым. Но я думаю, что мой дорогой папаша и вам оставил что—нибудь на память о себе.

Тиканье часов в воцарившейся гробовой тишине казалось оглушающим, словно звук отбойного молотка.

– Ах, надо же! Не сразу заметил! – продолжал он, направляясь к красивой молодой женщине, сидящей в другом углу комнаты. На вид ей было не больше тридцати. Черный пиджак выгодно оттенял фарфоровую бледность её кожи. Поднятые вверх волосы открывали длинную шею и подчеркивали высокий лоб. Она нервно оглянулась по сторонам в надежде, что эти слова предназначались не ей. При этом мужчина, сидящий слева от нее и пожилая женщина справа, резко отпрянули в стороны, будто та была прокаженная.

– Ну, здравствуй, мама! – сказал он, обнимая её за плечи.

– Убери от меня свои руки, – тихо прошипела молодая женщина сквозь зубы, отстраняясь от его объятий, – и кончай весь этот балаган, ради бога.

– Кстати о Боге... Его пути действительно неисповедимы... – сказал он громко, – Кто бы мог подумать! Эта женщина некогда была моей невестой, затем женой моего отца...

– Дезмонд! – громко перебил его нотариус.

– ... и по совместительству моей мачехой, а теперь скорбящая вдова! – не обращая внимания на нотариуса, продолжал тот.

– Дезмонд! Угомонись! – громко прикрикнул нотариус. Сложно было представить себе, что этот маленький человечек вообще мог издавать громкие звуки, а тем более кричать, – Имей хоть каплю уважения к своему отцу!

Молодой человек резко повернулся. Улыбка мгновенно сошла с его лица. Он нахмурился и попытался придать своему лицу серьезное выражение.

– Ах да! Простите, ради бога! – сказал он, театрально кланяясь нотариусу. Затем он подошел к высокой вазе, с выгравированным на ней причудливым узором, стоявшей на тумбе возле окна, и печально сказал. – Ну, здравствуй, папа, вот мы, наконец, и встретились...

– Дезмонд, – сказал нотариус, устало потирая переносицу, – урна с прахом твоего отца стоит у меня на столе, а это – ваза для цветов.

– Ну надо же, не узнал, – сказал молодой человек взяв урну в руки и обращаясь к ней:

– Богатым будешь! Хотя в данной ситуации богатым буду скорее я...

– Пф! – фыркнула дама в мехах, – зная его папашу —вряд ли, – вполголоса шепнула она своему соседу.

– Удивительно, что он выбрал такую банальную урну в качестве своего последнего пристанища, – сказал Дезмонд, крутя в руках урну, – на него это не похоже.

– Давайте вспомним, для чего мы все сегодня собрались здесь, – нотариус многозначительно посмотрел на молодого человека, взял урну из его рук и аккуратно поставил её на прежнее место.

– Да ладно, я думаю, мы все и так помним, зачем мы здесь собрались, – презрительно фыркнул Дезмонд, – для того чтобы узнать кому что перепало от моего преставившегося папаши.

– Присядь, пожалуйста, – коротко сказал нотариус, холодно посмотрев на него поверх очков. Дезмонд вальяжно плюхнулся на свободный стул. Люди, сидящие рядом, поспешили незаметно переставить свои стулья подальше от него.

– Кхм! – нотариус ещё раз бросил взгляд на собравшихся, чтобы убедиться что все, наконец, заняли свои места, и Дезмонд не делает новых попыток нарушить и так не устойчивое спокойствие. Впрочем, его наглая ухмылка не вселяла доверия, и нотариус мысленно сделал заметку, что не стоит спускаться с него глаз.

– Как вы все уже знаете, Френсис Амери составил завещание...

По комнате пронесся возбужденный шепот. Присутствующие явно оживились и подались вперед на своих стульях. Впрочем, когда начали зачитывать первые строки завещания, общий приподнятый настрой присутствующих заметно спал. Наследство было не таким большим, как предполагалось. Точнее сказать, оно оказалось ещё меньше ожидаемого – хотя никто и не питал ложных иллюзий касательно финансового положения недавно приставившегося Френсиса Амери.

– ...моему любимому другу Джону Бичему, – зачитывал Эдвин Фосс монотонным голосом, – ... я оставляю в память обо мне набор клюшек для гольфа.

Джон Бичем, мужчина преклонных лет в инвалидном кресле, удивленно заморгал глазами, и рассеянно оглянулся по сторонам, будто спрашивал у собравшихся правильно ли он расслышал.

В это время Дезмонд Амери внимательно наблюдал за реакцией каждого «счастливчика» и откровенно веселился.

– Моя дорогая подруга Мери Гилберт получает мою коллекцию курительных трубок... – продолжал Эдвин Фосс.

У Мери Гилберт при этом вытянулось лицо, и она удивленно прошептала своему соседу: «Я не переношу табачный дым!».

Так называемое «наследство», по большей части, представляло собой старую одежду, мебель и прочую ерунду. «Наследники» тщетно пытались стереть со своих лиц обиду, злость или разочарование.

– Этот старый козел даже с того света над нами насмеяется, – сказал один из джентльменов шепотом, но достаточно громко, чтобы все услышали.

– ... моему брату Амосу я оставляю весь свой гардероб... – тут не только Дезмонд, но и все собравшиеся громко прыснули, пытаясь сдержать смех. Всем было очевидно, что

необъятных размеров Амос Амери, под которым трещал стул, никогда не влезет в гардероб, который ему оставил худощавый старший брат. Сам Амос в это время лишь плотнее сжал губы и чуть сильнее покраснел.

– ... моему сыну Дезмонду Амери, я оставляю семейное имение Амери Холл и все, что в нём находится.

После этих слов Дезмонд издал нечто похожее на победный крик индейца, хлопнул в ладоши и с вызовом посмотрел в сторону своего дяди.

– Мистер Фосс, – перебил нотариуса Амос Амери, – это, наверное, ошибка. Мой брат был как всегда пьян, когда составлял завещание. Нельзя оставлять Амери Холл этому алкоголику и тунеядцу. Я думаю это можно как—то исправить...

– Эй, простите! Кого вы назвали алкоголиком? – возмутился Дезмонд, – попрошу не выражаться!

– Джентльмены! Это чтение завещания, а не раздача подарков. Оно было нотариально заверено лично мною, и я могу ручаться, что Френсис Амери не был в этот момент пьян и находился в здравом уме и твердой памяти. А теперь, если позволите, я продолжу...

– ... а моей любимой и верной жене, – нотариус поправил очки на переносице, – моей любимой и верной жене Клариссе, которая была со мной на протяжении последних лет, я оставляю право распоряжаться моим прахом по своему усмотрению. Моему хорошему другу...

– Постойте! – перебила его Кларисса. Ее голос звучал на удивление твердо и резко, учитывая, что все время пока нотариус зачитывал завещание, она то и дело всхлипывала и подносила платочек к глазам, – это все?!

– Что вы имеете в виду? – в замешательстве осведомился нотариус.

– Вы хотите сказать, что все, что мне оставил этот... мой... муж... – казалось, каждое слово давалось ей с трудом, – это кучка его... праха?! – последнее слово она сказала, словно выплюнула. В комнате повисла неловкая тишина, которую нарушали только чье—то фырканье и кряхтенье – это сын усопшего безуспешно пытался сдержать истерический смех. Он весь съёжился в конвульсиях на своем стуле, закрывая рот ладонью. Лицо его покраснелось, а на глазах выступили слезы.

– Кхм... – нервно прокашлялся нотариус, – я боюсь что...

– Старый козел! – в сердцах воскликнула «безутешная» вдова. Присутствующие в комнате разом ахнули.

– Я три года своей жизни провела с эти старпером! – вскочив на ноги, закричала Кларисса, – и всё ради того чтобы, в конце концов, получить кучку его гребанного праха!

Собравшиеся в комнате люди растерянно обменивались взглядами. Впрочем, молодая вдова довольно точно выразила их общее возмущение относительно завещания.

– Мисс! Где ваши манеры?! – с картинным негодованием воскликнул Дезмонд.

– Заткнись! – взвизгнула Клариса, – Ты такой же неудачник как твой папаша!

С этими словами она схватила урну со стола. Нотариус хотел было остановить её, но Кларисса была проворнее – его рука лишь успела схватить воздух. В следующее мгновение Клариса с размаху бросила урну в голову молодому человеку, который лишь чудом успел увернуться от летящего в него снаряда. С гулким звуком урна упала у его ног, крышка отлетела, высыпав на пол горстку пепла и оставив в воздухе пыльное облачко. На мгновение время остановилось. Все в комнате застыло. Если бы сюда в этот момент зашел посторонний человек, он бы, наверняка, подумал что попал прямоком в старинную картину, написанную рукой фламандского художника: в тусклом свете группа людей застыла в драматичных позах, пожилой нотариус, привстал со своего стула, его глаза испуганны, рука протянута к молодой даме с перекошенным от гнева лицом. В то время как остальные ошарашено смотрят на серую кучку пепла посреди комнаты. Лишь в тусклом солнечном луче, падающем из окна беззаботно кружатся частички праха.

Первым подал признаки жизни Дезмонд.

– Ну, что уставились? Принесите кто—то совок с веником! – прикрикнул он, окинув всех взглядом. Но никто не шелохнулся.

– А, ну вас! – махнул рукой Дезмонд. Затем он взял какие—то бумаги со стола, подвернул углы одного листа, соорудив нечто наподобие совка, и собрав то, что можно было собрать с пола, засыпал обратно в урну.

Вскоре чтение завещания было закончено. Никто не выразил желания задержаться и все поспешно удалились. В маленьком кабинете остались только нотариус и новоявленный помещик.

– Ну что ж, мистер Фосс, что ещё оставил мне в наследство мой папаша кроме этих руин и фамилии с претензией на знатное происхождение? – поинтересовался Дезмонд.

– К сожалению, Дезмонд, это всё, – ответил юрист, – в последние годы твой отец слишком активно наслаждался жизнью, понимаешь ли...

– Вы хотели сказать, что его жена слишком активно наслаждалась жизнью...

– Ах да, он всё—таки оставил тебе одну вещь... – последнее замечание нотариус пропустил мимо ушей.

– Да неужели? – оживился Дезмонд.

– Долги, – коротко ответил юрист.

Лицо Дезмонда не показало каких—то признаков понимания того, что только что сказал ему нотариус.

– Это по большей части налоги, которые он в последние годы не платил, – начал объяснять Дэвин Фосс, не дождавшись какой—либо реакции со стороны Дезмонда, – по закону плательщиком налогов является наследник покойного. То есть – ты.

– Хм... И что, он очень большой этот налог?

– Ну, как сказать... Достаточно большой.

– А конкретно?

– Я лучше напишу эту сумму на бумаге.

Нотариус открыл свой блокнот и быстро там что—то написал. Затем придвинул блокнот к Дезмонду. Тот взял его в руки и уставился на цифры, написанные аккуратным почерком посреди страницы. Затем он озадаченно перевел взгляд на нотариуса. Затем снова посмотрел на блокнот. И снова на нотариуса. Пару раз он, открывая было рот, чтобы что—то сказать, но тут же закрывал его как рыба, выброшенная на сушу.

– Дезмонд, ты в порядке? – спросил Дэвин Фосс, обеспокоенный внезапной бледностью и остекленевшими глазами нового владельца поместья, – может воды?

Дезмонд медленно покачал головой.

– Как? – охрипшим голосом спросил Дезмонд, – в смысле, откуда взялась эта сумма? Где мне взять столько денег? Мне что, продать пару своих органов? Да даже если я всего себя по частям продам, я не наскребу такую сумму! Мои органы не годятся даже на корм собакам! Они слишком проспиртованы!

Каждую фразу Дезмонд произносил громче предыдущей и так разгорячился, что вскочил со стула и начал ходить кругами по комнате.

– Должен же быть способ как—то обойти этот налог! Почему я должен платить по его счетам? Мне своих долгов хватает!

– Дело в том, что если бы Френсис передал тебе поместье хотя бы за семь лет до смерти, мы бы смогли избежать хотя бы части этих долгов. Но твой отец, похоже, намеревался жить вечно.

– Старый козел, – со злостью выплюнул Дезмонд. – И что мне теперь делать?

– Долги должны быть уплачены в течение полугода.

– Ты не слышишь меня! Я спросил, что мне делать? Ты прекрасно знаешь, что у меня нет таких денег! У меня вообще никаких денег нет! – Дезмонд упал на стул и обхватил голову руками.

– А что если я не заплачу?

– Тогда поместье отберёт государство и выставит на продажу.

– Может продать прилегающую к поместью землю?

– Твоему отцу тоже пришла эта мысль в голову – почти вся земля продана.

– Продана? Какому идиоту понадобилось покупать землю в этой глуши?

– Этот идиот – твой дядя.

– Этот старый козел – кто угодно, но не идиот. Он лучше всех знает, что цивилизация доберется до этой местности лет этак через пятьдесят, в лучшем случае. Тут даже мобильный телефон редко ловит связь. А жители близлежащей деревни давно сбежали отсюда. Так на кой черт ему понадобилось скупать тут землю?

– Твоему отцу было сложно содержать поместье, потому Френсис решил продать землю. Но, как ты правильно заметил, покупателей почти не было. Единственным, кто согласился купить её за бесценок, был твой дядя Амос. Ты прекрасно знаешь, они никогда не ладили. Но положение было отчаянным. И твой отец по кускам продал почти всю прилегающую землю своему брату. По сути, стоит тебе выйти за дверь, и ты оказываешься на частной территории, принадлежащей твоему дяде.

– Я все—таки не понимаю, зачем ему этот старый хлам? Неужто старик стал сентиментальным под конец жизни и хочет провести свой остаток жизни в месте, где он провел «счастливое» детство? – Дезмонд изобразил в воздухе кавычки на последних двух словах, так как знал, что ни один человек из семьи Амери не был счастлив в этом доме.

– Возможно, он хочет устроить здесь что—то вроде отеля или сдавать комнаты? Знаешь, это стало модным в последнее время. Вот семейство Монтгомери тоже недавно начали сдавать комнаты...

– Ой, да ладно... – раздраженно отмахнулся Дез и закурил сигарету, – Амосу хватает дел с его работоторговлей или чем он там занимается...

– Ты имеешь в виду его крупнейшее в Европе рекрутинговое агенство? – поправил его Дэвин Фосс.

– Я так и сказал. Но здесь, должно быть, что—то другое.

На минуту оба погрузились в раздумья.

– Ну что ж, возможно это даже к лучшему, если поместье будет продано, – пожал плечами Дезмонд.

– Возможно... – эхом отозвался Дэвин, – возможно этот «старый хлам», как ты его называешь, наконец, обретет достойного хозяина.

Дезмонд взглянул на старого нотариуса. Что—то в его тоне ему не понравилось. Но тот не стал развивать тему, а Дезмонд и не настаивал.

– Ну, так какие твои планы на будущее? – спросил Эдвин Фосс.

– Не знаю. Я сейчас на мели. Перекантуюсь тут какое—то время, а там посмотрим...

– Тут? – Дэвин удивленно поднял брови.

– А что тут удивительного? Поместье пока еще моё.

– Ну что ж, удачи тебе, – на этом Дэвин Фосс коротко пожал руку новому владельцу поместья Амери Холл и поспешил уйти. Дезмонд еще какое—то время докуривал сигарету, размышляя над тем, что имел в виду старый нотариус, когда пожелал ему удачи.

С наступлением сумерек Дезмонд вспомнил, почему избегал любой возможности вернуться в Амери Холл. Во—первых, это было царства холода. Каменные стены не прогревались даже летом, поэтому внутри было промозгло как в склепе. Можно было натянуть на себя несколько слоев одежды, но холод все равно пронизывал до костей.

Во—вторых, в доме толком не работала система отопления, электричество и водопровод. Нет, все эти удобства, конечно, присутствовали в доме, но, фактически, удобствами они не являлись.

Дезмонд покрутил кран над умывальником на кухне и оттуда полилась тонкая струйка желтоватой воды. Поместье было в плачевном состоянии ещё тогда, когда Дезмонд приезжал сюда в детстве из школы—пансионата на каникулы, но с годами состояние здания только ухудшилось. Сейчас оно было, практически, нежилым. Дезмонд начал догадываться, почему нотариус пожелал ему удачи.

Все же, несмотря на удручающее состояние, издалека этот особняк в классическом палладианском стиле производил добротное впечатление. Построенный в начале XVIII века, с идеально симметричным фасадом и двумя отражающими друг друга флюгерами слева и справа, он выглядел идеальным примером георгианской архитектуры. Впрочем, теперь не таким идеальным.

Ночь Дезмонд решил провести в своей старой детской комнате. Как и в других комнатах, на всех поверхностях лежал равномерный слой пыли. Когда—то эта комната принадлежала его покойному дедушке Чарли. Он умер незадолго до рождения Деза. Освободившуюся комнату решили переделать в детскую. Ещё в детстве Дез подозревал что под словом «переделать» имелось в виду «вынести хладное тело бабушки», так как никто не удосужился приспособить эту комнату для ребенка или хотя бы убрать одежду предыдущего владельца из шкафа. Все то недолгое время, что Дезмонд жил в этой комнате, ему казалось, будто истинный владелец этой комнаты вот—вот войдет. В ящике стола лежали раскрытые конверты и недописанные письма. На комодке стояли фотографии с неизвестными ему людьми. А как—то раз маленький Дезмонд нашел в кармане висевшего в шкафу пиджака деньги и сигареты.

Дезмонд прилег на голый матрас и закрыл глаза. Но сон не шел. Возможно из—за скрипучего матраса, возможно из—за холода. В этом доме никогда не было тепло. Даже посреди самого жаркого лета обитатели дома не могли отделаться от мерзкого чувства, что холод давно поселился в них самих. Дезмонд повернулся на бок и поджал к себе колени. Он чувствовал себя бродягой, который незаконно пробрался в заброшенное здание, чтобы переночевать. Сна не было ни в одном глазу – воспоминания, живущие в стенах этого дома, не давали уснуть.

Он не так уж много ночей провел в этой кровати. В возрасте восьми лет его отдали в школу—пансионат для мальчиков, которую он поначалу ненавидел всем своим существом. Его до чертиков бесила невозможность побыть в одиночестве. К тому же, личные вещи исчезали волшебным образом из его тумбочки. Учителя неусыпно следили, чтобы ты ни минуты не сидел без дела, а старшеклассники—садисты не давали прохода. Но там, по крайней мере, было теплее, чем дома. К тому же кормили лучше. Со временем он выработал манеру поведения, необходимую для выживания в тесном контакте с парой сотен других мальчиков и даже нашел способ уединяться и скрываться от учителей. Выбрав для себя стиль балагура и клоуна, он обнаружил, что так ужиться с людьми легче. Одним словом, он весьма неплохо адаптировался к новой среде обитания и вскоре даже не представлял себе, что другие дети живут не в школе. Он делал все возможное, чтобы не приезжать в пустой холодный дом на каникулы и отчаянно цеплялся за любое приглашение своих друзей провести каникулы с ними. Отец не возражал. А матери не стало во время первого семестра Дезмонда в пансионате. Он просто

не застала её дома, когда вернулся домой на свои первые зимние каникулы. Будто её никогда не было. Отец сухо объяснил ему, что «её не стало», не вдаваясь в излишние подробности. Только годы спустя он понял, что её болезнь была главной причиной, почему его отдали в пансионат.

Лежа без сна, на голом матрасе, Дезмонд попытался оживить хоть какие-то воспоминания о своей матери. Но тщетно. Вместо лица у нее было какое-то размытое пятно. Он не помнил ни ее голоса, ни запаха. В его памяти всплывало только её черно-белое двухмерное изображение на старой фотографии, которую он как-то нашел в комодике бабушки Чарли, где она была изображена в свадебном платье. Как он ни пытался, она не могла обрести плоть и кровь даже в его воображении.

Все эти мысли окончательно прогнали остатки сна. Дезмонд сел на кровати и закурил. Этот дом просто обязан быть населен приведениями – подумал он. Он просто не был предназначен для людей. Такое впечатление, будто его построили только лишь с целью поселить тут призраков. Живые люди здесь никогда не задерживались. Даже отец предпочитал проводить время в более пригодных для жизни местах и редко сюда приезжал. Вот уж чей призрак не появится в этом доме. Он вряд ли будет слишком озабочен своими незаконченными делами. Как всегда, он вовремя свалил, оставив разгребать все, что он натворил тем, кто остался. Отец появлялся в жизни Дезмонда всего несколько раз, но всякий раз это ознаменовывалось неприятностями. В последний раз он появился, чтоб увести у собственного сына невесту. Он даже не пытался как-нибудь объясниться с ним. Вместо него это сделала Кларисса, объяснив свой уход, тем, что во Френсисе есть все самое лучшее, что есть в Дезмонде плюс все то, что ему, Дезмонду, не хватает: то есть деньги (очевидно, тогда они еще были). Хотя она назвала это по-другому: зрелость, ум и жизненный опыт. С тех пор Дезмонд порвал все отношения с отцом. Впрочем, рвать было нечего.

Находиться в этой комнате было невозможно. В доме тоже. Он бы с радостью сбежал отсюда в эту самую минуту. Но бежать было некуда. В данный период своей жизни он был на мели как в финансовом смысле, так и во всех остальных аспектах. После школы он предпринял попытку получить высшее образование, но между вечеринками и регулярным похмельем неожиданно обнаружил, что его исключили из университета. Впрочем, его это не сильно расстроило. После этого он пытался организовать с друзьями сомнительный бизнес, который рухнул прежде, чем они получили какую-то прибыль, перед этим поглотив все их деньги. Также у него имелся опыт работы фотографом, моделью, актером в массовке, и (он ни кому об этом не говорил) официантом. В Америке Холл он приехал с надеждой поправить свое финансовое положение, а в итоге получил еще гору долгов в придачу.

На него накатила волна ненависти. Ненависти ко всему. К отцу, этому дому, и больше всего к себе. Он со злости толкнул тумбочку возле кровати, но в темноте ударился об нее коленом. В ярости он толкнул ее сильнее, проломив дверцу в которой застряла его нога. Выругавшись, он освободил свою ногу из плена и выбежал из комнаты. Подальше от холода и навязчивых призраков прошлого. Единственное место в доме, которое еще сохранило какое-то подобие жизни, была кухня в полуподвальном помещении – в той части дома, которая когда-то предназначалась для слуг. С течением времени жизни в этом доме становилось все меньше, и её остатки постепенно стягивались к рабочим помещениям в задней части дома.

Дезмонд зажег конфорку на плите и прикурил от нее, затем поставил сверху чайник. В шкафу он нашел несколько залежалых пакетиков чая, и даже горсть сахара на самом дне сахарницы. Горячая жидкость медленно растеклась по всему телу, немного согрел его и он заснул, положив голову на кухонный стол.

Проснулся он от боли в шее. Ночь, проведенная за кухонным столом, давала о себе знать. С трудом вернув голову в свое привычное вертикальное положение, новоявленный помещик решил обойти свои владения. Или ту часть, которая еще не была продана. Благополучно закончив обход поместья, и убедившись при свете нового дня в его крайней запущенности, Дезмонд озадаченно почесал голову. Весь день простирался перед ним как зеленая лужайка, на которую выходили окна гостиной. День такой же скучный и непримечательный как зеленый газон. Недолго думая, Дезмонд набрал номер своего лучшего друга Ангуса. Правда, перед этим ему пришлось еще раз обойти все поместье, чтобы найти место, где его мобильный ловил слабый сигнал. Охрипший со сна голос, поинтересовался «какого черта кому—то понадобилось звонить в 12 утра?» (утро праздного городского жителя начинается очень поздно). Выслушав краткое изложение ситуации, Ангус пообещал приехать как можно скорее, так как у него определенных планов на этот день, как и на все последующие, не было. Спустя шесть часов, Ангус вышел из своей машины перед парадным входом в Амери Холл и озадаченно уставился на старинное здание.

– Я и не подозревал что наша аристократия в таком плачевном положении, – сказал он Дезмонду, когда тот вышел встретить его.

– Неужто все так плохо? – спросил Ангус, окинув Амери Холл скептическим взглядом.

– Проходи и убедись в этом сам, – Сказал Дезмонд, открыв перед гостем дверь.

После краткой экскурсии по Амери Холлу Дезмонд пригласил друга допить остатки чая (уже без сахара и, конечно, без молока) в кабинете, где читали завещание. Это была наиболее пригодная для жизни комната во всем доме, не считая кухни. Ангус брезгливо оглянулся вокруг. Впрочем, брезгливое выражение не сходило с его лица с того момента, как он переступил порог Амери Холла.

– Ну что, останешься на ночь? – как бы между делом спросил Дезмонд, чтобы друг не уловил отчаянную мольбу в его голосе.

– Черта с два я останусь в этом мавзолее. – пробурчал Ангус.

– Как знаешь. – Равнодушно пожал плечами Дезмонд и мысленно расстался с надеждой на то, что ещё одна живая душа разделит сегодня с ним крышу над головой (какой бы протекающей она ни была).

– Здесь точно должны водиться приведения, – Ангус поморщил нос, сделав глоток едва теплого чая, и поставил чашку на стол.

– Вряд ли. Никто из моих предков не любил возвращаться сюда даже при жизни, не говоря уже после смерти.

– И все—таки, как ты собираешься содержать эту гниющую махину?

Дезмонд не сказал своему другу, что через полгода это будет уже не его проблемой.

– Понятия не имею, если честно... – сказал Дезмонд, стряхивая сигаретный пепел с бархатной обивки старого дивана, – может, открою здесь ночной клуб.

– Сомневаюсь. Местные жители придут сюда ночью с факелами и камнями, привяжут тебя к позорному столбу и совершат жестокую расправу над тобой как над возмутителем спокойствия и разрушителем местных привычных устоев.

– А я для местных жителей буду делать скидку, – попытался пошутить Дезмонд.

– Думаешь, местные пенсионеры променяют свой любимый паб «Лев в заднице у Орла», или как он там называется, на танцовщиц гоу—гоу?

– «Лев в когтях у орла».

– Без разницы. Да и как ты себе это представляешь? Полуголые девицы будут танцевать между портретами твоих дедушек и бабушек ночью, а днем доить коров на местной ферме?

- Я надеялся, они будут танцевать, хотя бы, вокруг моего позорного столба.
- Может, сдашь хоть часть дома местной школе или церкви для проведения воскресных занятий? – предложил Ангус.
- Терпеть не могу детей. Идея с танцовщицами мне больше нравится. Впрочем, ты подал хорошую идею – днем здесь будет воскресная школа, а по ночам зажигательные танцы.
- Как насчет отеля?
- Ты о чем? – недоуменно спросил Дезмонд.
- Устрой здесь отель для простолюдинов, которые хотят иногда почувствовать себя настоящими аристократами.
- Не смейся меня. Тут потолок падает на голову, оставшиеся обои едва держатся на стенах, а канализацию не ремонтировали уже лет сто.
- Вот именно! Самый настоящий аристократический особняк, – с сарказмом заметил друг.
- Допив чай, Ангус поспешил уехать, пообещав, что обязательно ещё навестит Дезмонда в Амери Холле. Когда—нибудь. Может быть.

В последующие несколько дней Дезмонд с большим трудом умудрился растопить камин в кабинете на первом этаже, где он и обустроил себе спальню, гостиную и столовую. Ночью он лежал на старом диване, слишком коротком даже для его не самых длинных ног, и прислушивался к любому шуму или шороху. А в старом доме по ночам их много. Конечно, он не верил в приведения, но зато верил в грабителей и поэтому, на всякий случай, запирает дверь в кабинете на замок и продолжал прислушиваться к посторонним звукам пока не засыпал.

В одну, особенно ветреную, ночь ему не спалось. Дом был будто огромным органом, на котором ветер играл свою заунывную мелодию, выдувая нестройные звуки из каминных труб. Все здание потрескивало, будто хотело оторваться от фундамента и пуститься в пляс. Внезапно в это нестройное созвучие шорохов и скрипов вторгся новый звук. Дезмонд, за неделю в этом доме уже привык к тому, что дом кряхтел как старик и уже не вскакивал с кровати при каждом шорохе. Но этот новый звук не был порожден домом, несмотря на то, что доносился он откуда—то из его глубины. Дезмонд сел на диване и прислушался. Он буквально почувствовал, как волосы встали дыбом на затылке. По спине пробежал холодок. Но больше звуки не повторялись. Он списал этот шум на кряхтенье старого дома, и было уже, лег снова, как вдруг отчетливо услышал шаги. Сначала едва слышимые, они становились все громче. Кто—то остановился возле двери в кабинет. Дезмонд вскочил с дивана. Все мышцы в его теле напряглись, повинувшись самому древнему инстинкту человека – «бежать или защищаться» (для Дезмонда это было чаще «бежать»). Ручка двери стала дергаться вверх—вниз, будто кто—то пытался её открыть. В этот момент Дезмонду пришлось собрать всю свою силу воли, чтобы не выпрыгнуть из окна и не пуститься наутек. Нет, он не верил в приведения, но ночью становился немного более суеверным. И тут, так некстати, в голову полезли отрывки из разных фильмов ужасов, которые он когда—либо видел. Снова послышались шаги и на этот раз они отдалялись от кабинета. Дезмонд медленно подошел к двери и приложил к ней ухо. Снова шаги. И голоса. Их было несколько. Раздался громкий звон разбитой посуды. Кто—то выругался. Другие голоса вторили ему смехом. Хоть Дезмонд их и не видел, но звучали эти голоса так, будто принадлежали людям из плоти и крови. Дезмонд с облегчением отогнал мысли о привидениях и взял в правую руку железный прут, которым разгребал угли в камине. Дождавшись, когда голоса и шаги стихнут, он осторожно открыл дверь и выглянул в холл. На полу лежала разбитая ваза.

Под дверью одной из спален горела тонкая полоска света. Дезмонд осторожно приоткрыл дверь и заглянул в щель. Четыре человека сидели на полу и держались за руки. Их лица слабо освещали тусклые свечи, расставленные вокруг них. Дезмонд решил подслушать их разговор:

– О духи, откликнитесь на наши призывы! Слышите нас? Мы здесь. Мы готовы вас услышать, – звучал чей—то заунывный голос.

– Ты слышал это?! – встревожено воскликнул женский голос, – будто половица скрипнула.

– Может они уже здесь? – вторил ей мужской голос.

– Я думал они бестелесные.

– И что?

– А то, что под ними не скрипят половицы. Они же ничего не весят. Они же призраки, черт возьми.

– Вы можете оба заткнуться? – перебил их женский голос

– А с чего ты вообще взяла, что духи захотят с нами общаться? Им что больше делать нечего?

– А что им еще здесь делать? Они рады любому общению. Даже с тобой.

«Чертовы безмозглые подростки», – подумал Дезмо и уже хотел войти в комнату, чтобы хорошенько отодрать уши непрошеным гостям, когда в его голове промелькнула интересная мысль. Пытаясь не скрипеть половицами, он пошел на кухню. Там он взял бутылку кетчупа и, недолго думая, вымазал им лицо и руки. Затем он так же тихо вернулся туда, где оставил странную компнаию, и снова прижал ухо к двери.

– ...дайте знак, что вы здесь! – гости продолжали вызывать духов.

Дезмонд два раза громко постучал в дверь. В комнате раздался громкий визг.

– О боже, вы слышали?! – закричали женские голоса.

– Если ты слышишь нас, постучи два раза!

Дезмонд послушно постучал два раза. Снова раздался визг и изощренный мат.

– Спроси у него еще что—то!

– Э... Ну ладно... Ты это... типа призрак?

Дезмонд едва удержался, чтобы не обозвать их идиотами, но сдержался и снова постучал в дверь два раза.

– Ты жил в этом доме? Два стука – да. Один – нет.

Дез постучал один раз.

– Он здесь не жил? Залетный призрак?

– Ты идиот, Том. – ответил ему женский голос.

– Ты все ещё живешь здесь? – спросил тот же женский голос.

Дез постучал два раза.

– Ты женщина? – продолжал женский голос.

Один удар.

– Ты мужчина? – на этот раз голос был мужской.

– Серьезно, Том, ты идиот?

– Ты давно умер?

Два удара.

– Ты умер насильственной смертью?

Два удара.

– Тебя застрелили?

Один удар.

– Пытали?

Один удар.

– Повесели?

Два удара.

– Твою ж мать! – вставил кто—то.

– Тебя казнили?

Два удара.

– Казнили? За что? Тебя казнили за убийство?

Два удара.

– Ты не мог вызвать дух кого—нибудь нормального? Обязательно вызывать маньяка? – шепотом спросил женский голос.

– Ты можешь причинить нам вред? – продолжал главный «спирит».

– Отлично. Подай ему идею, – проворчал другой голос.

Дез выждал долгую театральную паузу.

– Он что там, размышляет над твоим предложением? – встревожено спросил женский голос.

Дез стукнул один раз...

– Вот видишь, он безобидный... – облегченно сказал «спирит».

...а потом ещё раз.

В комнате повисла тишина.

– Я думаю, на сегодня хватит. Как вы думаете?

– Да, да. – поддакнули остальные голоса. – Пожалуй, хватит на сегодня. Да к тому же дождь начинается.

За дверью послышалась возня, будто кто—то собирал вещи.

Дез понял, что наступил его звездный час. Он с ноги распахнул дверь и с криком: «вызывали?!», большими шагами направился к ошалевшей от страха группке. В это время молния как по заказу осветила на мгновение его лицо обмазанное «кровью». С диким криком и нецензурными выражениями непрошеные гости бросились к окну и, отталкивая друг друга, кинулись наутек. Дез успел лишь схватить за ногу одну девушку, когда та перелезала через подоконник. Рывком он поставил её на ноги и схватил за плечи. Наклонившись к ней ближе, он прорычал: «поймалась!». Девушка даже не закричала. Только сильно побледнела, и в следующее мгновение её тело обмякло в его руках.

Дез дотащил бездыханную девушку до своего дивана и неуклюже уложил ее на подушки. Где—то в глубинах его памяти всплыла информация, что если с человеком случился обморок, надо сделать так чтобы его ноги находились выше головы – он взял её ноги и положил на подлокотник дивана. На этом его знания в оказании первой помощи были исчерпаны. Он растерянно стоял над незнакомкой и рассматривал ее. Это была невысокая худая девушка с волосами, выкрашенными в неестественный ярко—оранжевый цвет. На ней были синие потертые джинсы, ботинки на толстой платформе и большой серый свитер, будто с чужого плеча. Наконец ее веки начали подергиваться, и она медленно открыла глаза. Минуту она лежала неподвижно, пытаясь понять, где находится, затем медленно повернула голову и увидела «призрака». Девушка резко подскочила, и казалось, сейчас снова упадет в обморок.

– Спокойно! Спокойно! – успокоил её Дез, поспешно вытирая салфеткой лицо и руки.

– Где я? Ты что, похитил меня? – закричала девушка, спрятавшись за диваном.

– Я что, похож на «призрака оперы»? На кой чёрт мне тебя похищать? – раздраженно ответил Дезмонд.

– Кто ты? – настороженно спросила девушка.

– Я хозяин этого поместья.

– Я думала, здесь никто не живет...

– Я приехал недавно.

Девушка недоверчиво посмотрела на Дезмонда.

– Чаю? – спросил Дезмонд, зачем—то пытаюсь изобразить учтивость.

– И давно ты здесь живешь? – спросила девушка, рассматривая комнату в которой они находились.

Они пили чай, сидя на старом диване. Девушка отсела как можно дальше от Дезмонда и постоянно бросала на него опасливые взгляды, будто не до конца веря в то, что он все—таки человек из плоти и крови, а не призрак.

– Около недели. А давно ты здесь с друзьями общаешься с привидениями?

– Это был первый раз. Мы, правда, думали, что дом заброшен.

– Вот я одного не понимаю... – с издёвкой спросил Дезмонд, – раз вы так хотели поболтать с загробным миром, почему вы так быстро убежали, когда представилась такая возможность?

– Наверное, мы все-таки не до конца верили, что у нас получится, – не глядя на него, сказала девушка.

– А ты хоть раз встречала настоящего призрака? – не унимался Дезмонд.

– Нет. – коротко ответила девушка, не поднимая взгляда от чашки.

– Тебе не кажется, что это доказывает то, что их не существует?

– То, что я их ни разу не видела, ещё не означает, что их нет.

– В таком случае, единороги, эльфы и лепреконы тоже ходят где—то среди нас?

Девушка бросила на него злой взгляд, но ничего не ответила.

– Как тебя зовут? – спросил Дез.

– Тильда, – коротко ответила гостья.

Дезу показалось, что имя выдуманно, но он промолчал.

– Дезмонд. Приятно познакомиться, – театрально поклонившись, представился Дезмонд.

Судя по недоверчивому взгляду Тильды, его имя также показалось ей выдуманным, но она тоже промолчала.

– Все зовут меня Дез. Но я терпеть не могу, когда меня так называют.

– Тогда может не стоит говорить, что все зовут тебя Дез?

Снова повисла тишина.

– Ты один здесь живешь? – наконец спросила Тильда.

– Да. Не считая призраков, конечно.

– А почему ты их не считаешь?

– Ну, они едва ли занимают жилплощадь. Да и ренту не платят.

– Не верится, что в этом доме нет ни одного призрака. По—моему лучше места не придумаешь.

– Мне кажется, что этот дом сам как призрак, – задумчиво сказал Дез, рассматривая дно своей чашки.

– В каком смысле?

– Не знаю, – сказал Дез и встряхнул головой пытаюсь прогнать сонливость.

– А сама ты, где живешь? – спросил он Тильду.

– В деревне. Отсюда недалеко.

– В деревне? Мне казалось, там уже никто не живет, кроме кучки пенсионеров.

– Так и есть. Эта деревня такой же призрак, как и твой дом. И населяют её призраки.

– Так что тебя там держит?

– Призраки же не могут покидать место своего обитания. Ты разве не знал?

Все эти разговоры о призраках порядком утомили Деза и эта девчонка его начала раздражать. Какого черта, спрашивается, гнить в какой—то дыре и тратить свою жизнь на всякую

ерунду, типа поисков контактов с загробным миром? Она молодая и с виду здоровая (по крайней мере, физически она выглядит здоровой, подумал Дезмонд). Этой великовозрастной малолетке давно пора было вырасти.

Дез резко встал. Глядя на гостью с волосами цвета моркови, ему вдруг захотелось убежать из этой комнаты и из этого дома. Куда—нибудь. Лишь бы бежать и чувствовать землю под своими ногами. Вместо этого он подошел к камину и начал разгребать угли.

– Ну, я пойду, наверное... – протянула Тильда.

– На улице ещё темно, – ответил Дезмонд, не отрывая взгляда от тлеющих углей.

– Скоро будет светать.

– Как знаешь. – Дез не стал настаивать.

– И скажи своим друзьям, чтобы держались отсюда подальше, – посоветовал на прощание Дезмонд.

С того дня как Дезмонд познакомился с Тильдой, он не переставал думать о том, чтобы посетить деревню. Сам не зная зачем, в ближайшую пятницу он направился туда. За почти двадцать лет, что он там не был, деревня не изменилась. Уже тогда это было довольно удручающее место и веселее с тех пор оно не стало. Старики, что жили там двадцать лет назад, ещё больше постарели или умерли. О количестве населения можно было судить по домам местных жителей. Дома с темными окнами и поросшими бурьяном дворами служили огромными надгробиями для своих прежних хозяев, и таких было приличное количество. Зато те, что были ещё обитаемы, выглядели на удивление хорошо: подстриженные газоны, ухоженные клумбы, покрашенные стены и белый тюль на окнах. Именно эти немногие пряничные домики жутко разозлили Деза. Ему почему—то хотелось, чтобы на их месте стояли одни руины.

Улицы были пустынные и выглядели как декорации. Впрочем, в пятницу вечером это не удивительно. Дез уверенно направился в сторону местного паба «Лев в когтях у орла».

Стоило ему переступить порог паба как привычный гул пятничного вечера стих в одно мгновение и с дюжину голов синхронно повернулись в его сторону. Дезмонд на мгновение остановился, но затем прошел к барной стойке.

– Уф, ну и дороги здесь. – Намеренно громко сказал Дез, обращаясь якобы к хозяину паба за стойкой, но адресуя сказанное всем присутствующим. – По дороге меня так трясло, что я решил сделать перерыв и пропустить пинту—другую.

Хозяин пожал плечами и молча, поставил перед Дезом пинту. Все остальные видно тоже удовлетворили свое любопытство, потому что гул постепенно возобновился и больше на Деза не обращали внимания, пока он пил свое пиво.

Дезмонд посмотрел на остатки пива в своем бокале и подумал: зачем он сюда пришел? Что он надеялся здесь увидеть?

Положив деньги на барную стойку, он собрался было уходить, когда дверь паба снова открылась. На пороге стоял молодой мужчина, не старше двадцати пяти лет, очень худой с торчащими вперед зубами как у скаковой лошади, и копной пшеничных волос. Глаза у него были маленькие и живые. Казалось, только ступив за порог паба, он с первого взгляда оценил всю обстановку, всех посетителей и составил свое мнение об этом месте. Судя по тому, как на него все уставились, этот парень также не был здешним. Упругой походкой он в два шага пересек комнату и оказался возле стойки.

– Привет! Светлого, пожалуйста! – нарочито громко заказал новый посетитель.

Хозяин молча поставил перед ним бокал.

Попивая своё пиво, он то и дело поглядывал вокруг и очевидно изучал местную публику. На мгновение его взгляд упал на Дезмонда, но видимо тот не показался ему сколько-нибудь интересным.

– Эххм! – прочистил горло новый посетитель, – а этот Амери Холл та ещё махина... – протянул он, не обращаясь не к кому конкретно.

Бармен недружелюбно посмотрел на него исподлобья и снова пожал плечами. Попытка завязать светскую беседу явно не удалась.

– Я слышал, там сейчас никто не живет, а? – не прекращал попыток гость.

– Там раньше жил этот старый хрыч Френсис Амери, – раздался хриплый голос за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.